

У сильнейшего мага современности и главы клана Годжо остался ребёнок.

Малыш лишился «мамы» при рождении — её убил собственный отец. А сам отец погиб, едва сыну исполнился год.

Погиб в бою.

Пал жертвой надежд целой эпохи.

Сгорел на алтаре мира магии, который тащил на своих плечах.

Ушёл... как раз тогда, когда кроха только-только научился лепетать «па-па».

В самом сердце огромного, раскинувшегося на целые мили Родового гнезда клана Годжо, за лабиринтом извилистых тенистых садов, в личных покоях главы клана возился малыш — тихий, тискательный, словно выточенный из тончайшего фарфора.

На нём был мягкий комбинезончик нежно-жёлтого и пастельно-зелёного цвета. Иссиня-чёрные волосики, удивительно мягкие и послушные, забавно топорщились, пока кроха ползал по сочной зелени матов-татами.

Вокруг него пестрели игрушки: новейшие радиоуправляемые машинки, коллекционные плюшевые звери, сделанный на заказ конструктор и дешёвый силиконовый грызунок в виде подсолнуха, полученный по какой-то акции в кондитерской. Кроха, у которого как раз резались зубки, самозабвенно мусолил этот подсолнух, пуская слюни, и весело заливался смехом всякий раз, когда ласковая служанка принималась его щекотать. Его огромные бездонно-голубые глаза сияли первозданной чистотой, а когда он сощуривался от смеха, в изгибе его бровей явственно проступали черты ушедшего хозяина дома.

— Молодой господин, время кушать! — улыбнулась вошедшая нянечка, неся тёплую бутылочку.

Вторая служанка протянула руку, и годовалый Харе послушно отдал ей свой подсолнух. Перехватив бутылочку пухлыми ручонками, он принялся увлечённо сосать теплое молоко.

Все няни в один голос твердили: молодой господин — благословение небес. Стоило дать ему погремушку, и он мог часами возиться в углу, без капризов и криков. Никаких догонялок с ложкой за обедом — едва начав есть прикорм, он сам потянулся к приборам. Невероятно ласковый, смыслённый и покладистый.

С его отцом в детстве не шло ни в какое сравнение. Юный Сатору рос холодным, высокомерным божеством, перед которым прислуга едва дышать смела. А этот малыш был совсем другим.

Пока нянечки прибирали игрушки, шёпотом нахваливая славный нрав маленького господина, позади раздался негромкий стук.

Бутылочка, которую Харе только что держал обеими ручками, выпала и покатилась по татами, глухо ударившись о подол одной из служанок.

А в следующую секунду тишину разорвал истошный плач.

Тихий, покладистый ребёнок зашёлся в безутешном крике — внезапно, без всякой видимой причины. Перепуганные няни бросились к нему, пытаясь успокоить, но тщетно. Малыш плакал навзрыд, его носик и веки мгновенно покраснели. Он отталкивал протянутые руки, не давая себя обнять, а затем упрямо пополз к постели. Взобравшись на futon, он вцепился крошечными пальчиками в просторное тёмно-синее хаори и зарыдал с новой силой, задыхаясь и содрогаясь всем тельцем.

— Па-па... па-па... — звал он сквозь слёзы, утыкаясь личиком в родную ткань.

В его детском лепете звучало такое беспредельное, невыносимое горе.

Синдзюку лежал в руинах.

Среди серой бетонной крошки и искорёженной арматуры ничком лежал Сатору Годжо. Горячая алая кровь заливала его лицо — то самое породистое, безупречное лицо, которым когда-то восхищался весь мир.

Он остекленевшим взором смотрел в свинцовое небо. Перед глазами нескончаемой лентой побежали картины прошлого — кадр за кадром, медленно, отчётливо. Всё пронеслось за долю секунды, но в его угасающем разуме уместилась целая вечность.

Из рассечённой головы безостановочно толчками выходила кровь. Перегруженный мозг отключался, поэтому ужасающий разрубающий удар, разделивший его тело надвое, он почти не ощутил. Чувства угасали. Взгляд застилала мутная пелена, сквозь которую прорывались лишь эти яркие, болезненные вспышки памяти. Мысли путались, сознание медленно погружалось во тьму.

В этот последний, ускользающий миг жизни, собирая по крупичкам разбитое прошлое, он думал лишь об одном человеке. О Сугуру Гето.

Сатору казалось, что перед смертью его разум заполнят великие думы: исход сражения, безопасность его учеников, судьба угасающего мира магов... Но нет. В самом конце остался только Сугуру.

Он вспомнил раннюю весеннюю пору их первой встречи. Сакура тогда цвела так неистово, словно хотела затмить само солнце. Извилистая тропа, ведущая на гору к Технической школе магии, была укрыта пушистым розовым ковром, а сверху, кружась в медленном танце, непрерывно осыпался живой ароматный снег.

Своенравный наследник великого клана Годжо, наперекор воле старейшин, явился в Техническую школу магии гораздо раньше положенного. Засунув руки в карманы, он лениво брёл по склону, собираясь отметить у учителя Яги.

Солнце грело всюду, укутывая Сатору ленивым, усыпляющим теплом. Небо над головой сияло пронзительной, ласковой синевой, а воздух дышал едва уловимой сладостью лепестков. Годжо шёл расслабленно, с удовольствием подставляя лицо тёплым лучам, и ловил себя на мысли, будто он выбрался на обычную загородную прогулку.

Внезапно перед глазами замелькало яркое пятнышко — откуда-то вылетела крупная огненно-рыжая стрекоза. На фоне блёклых бело-розовых лепестков она выглядела вызывающе чужеродной. Её прозрачные крылья ловили солнечные блики, ослепляя. Сатору невольно задрал голову, провожая её взглядом.

И именно тогда на тропе появился Сугуру.

Гето тоже пришёл поступать. Ему ещё не выдали школьную форму, так что одет он был в простые свободные брюки и футболку. Ростом бог его не обидел, хотя рядом с Сатору мало кто казался по-настоящему высоким. На плече у него висела набитая до отказа чёрная холщовая сумка, судя по всему, неподъёмная. Широкий ремень натянул ткань футболки на груди, а задравшийся подол открывал взору полоску чистой, бледной кожи на поясице.

Сатору лениво перевёл взгляд с его талии на сумку.

«Тяжеленная какая, — пронеслось в голове. — Он туда все свои пожитки запихнул, что ли? Издалека приехал?»

Сам Сатору вышел из дома, прихватив один лишь телефон.

Пока он размышлял, огненная стрекоза сделала круг над их головами и спланировала прямо к незнакомцу. Тот лениво приподнял ладонь, и насекомое послушно опустилось на кончик его пальца, застыв, словно дрессированная механическая игрушка. Сатору проводил её взглядом, и в его избалованной душе внезапно шевельнулось глупое ревнивое раздражение.

«Это ещё что за новости? Почему к нему, а не ко мне? Тоже мне, разборчивая тварь».

Должно быть, его кислая мина была слишком красноречивой — парень напротив тихонько рассмеялся. Сатору вскинул голову, пристально разглядывая его из-за тёмных стекол очков. Длинные чёрные волосы незнакомца были стянуты в аккуратный пучок на затылке, а на лоб спадала странная косая чёлка. Очерченный подбородок, высокая переносица... Хм. Выглядит породисто. И как-то по-лисьи.

Заметив этот оценивающий взгляд, парень улыбнулся. Его узкие глаза забавно сощурились, словно крючки, намертво цепляя внимание Годжо.

— Привет. Твой питомец? — мягко спросил он. Голос у него оказался на редкость приятным, обволакивающим.

Но сама формулировка...

«Ну и чушь, — подумал Сатору. — У него с головой всё в порядке? Кто в здравом уме держит дома стрекоз?»

Особенно учитывая, что эта крылатая бестия сейчас самым угодническим образом ластилась к пальцам этого типа с нелепой чёлкой. Молодой господин отвёл взгляд и сухо бросил:

— Нет.

Развернувшись, он побрёл дальше по склону, покачиваясь на ходу.

Впрочем, винять его не стоило: общаться со сверстниками Сатору попросту не умел. С малых лет его окружали либо высохшие занудные старики из клана, либо слуги, которые при его появлении падали ниц и боялись дохнуть. Ну и изредка — наёмные убийцы, переоценившие свои скромные таланты. Жизнь его до этого дня была пресной и невыносимо скучной.

Сугуру, Впрочем, нисколько не задело чужое высокомерие. Наверное, он решил, что этому белокрысому гиганту чертовски идёт его надменность — красивым людям прощаешь подобные слабости. Стрекоза покрутилась и улетела. Гето поправил лямку тяжёлой сумки, достал из кармана карту и зашагал следом, сверяя маршрут. Поняв, что им по пути, он дружелюбно окликнул спутника:

— Слушай, я Сугуру Гето. Если предчувствие меня не обманывает, мы одноклассники.

Он смотрел в спину Сатору. Белоснежные волосы попутчика выглядели удивительно мягкими и пушистыми, они забавно вздрагивали от каждого дуновения ветра, так что их невольно хотелось потрогать. Парень даже головы не повернул на его слова, но имя своё всё же назвал. Ответ долетел до ушей Гето вместе с прохладным весенним ветерком:

— Сатору Годжо.

Гето на секунду замер.

— А, так ты... Да, я слышал о тебе.

Сатору даже оборачиваться не стал, и так зная, какая сейчас у того мина. Он слишком привык к подобному. В мире магов не знать о нём мог разве что слепоглухой младенец.

Закинув руки за голову, он плавно развернулся и пошёл спиной вперёд. Шесть Глаз полностью исключали слепые зоны, так что под ноги можно было не смотреть. Сатору самодовольно ухмыльнулся:

— Надо же. Неужто я настолько знаменит?

В его тоне не было ни капли удивления — сплошное упоение собственной неотразимостью.

Гето едва сдержал улыбку. Этот парень ведь старше его на год, а ведёт себя как капризный ребёнок. Лисья натура Сугуру требовала немного сбить с него спесь, и он мягко покачал головой:

— Не обольщайся. Просто перед поступлением я расспросил учителя Ягу о будущих одноклассниках и навёл справки. Нам всё-таки четыре года вместе куковать, — добавил он с хитрой усмешкой.

— Че-е-го-о?! — предсказуемо взвился Сатору, скривив лицо в шутливом возмущении. — Какая же ты зануда.

«Точно не сойдёмся, — тут же вынес вердикт Годжо. — Очередной правильный мальчик, который и шагу без инструкции не сделает».

Поняв, что взъерошил кошачью шерсть, Сугуру решил пойти на попятную. Он прибавил шагу и примирительно улыбнулся:

— Но если серьёзно, твоё имя и правда у всех на слуху.

Сатору скептически приподнял бровь, но промолчал.

— Когда у меня только пробудилась проклятая энергия, — продолжил Гето, — мне рассказали, что в клане Годжо растёт мой ровесник. Настоящий гений, какого мир не видел уже несколько столетий, рождённый с Шестью Глазами. Все твердили, что ты настоящее божес...

Он говорил это совершенно искренне, без тени лести, но внезапно осёкся, заметив, как едва заметно дрогнули светлые брови собеседника.

«Дитя богов». Похоже, Сатору терпеть не мог, когда его так называли.

Сугуру приоткрыл было рот, лихорадочно соображая, как перевести тему и сгладить неловкость, но белобрысый парень вдруг криво усмехнулся.

— Божественное дитя, ага? — небрежно бросил Сатору.

Ему и без чужих рассказов было прекрасно известно, какими эпитетами его награждали в магическом сообществе. И всё же этот тип с дурацкой чёлкой... На первый взгляд — вылитый лис, а оказался на удивление проницательным. Сумел уловить мимолётную тень недовольства, которую сам Сатору едва ли зафиксировал. Это было... непривычно.

— В общем, рассчитываю на твою поддержку, — Сугуру вежливо протянул ему руку. Поскольку он был на год младше Сатору, его тон оставался безупречно вежливым.

Сатору опустил взгляд на его открытую ладонь. Длинные, изящные пальцы, аккуратные костяшки — очень красивая рука. Вместо рукопожатия он лишь коротко хлопнул парня по раскрытой ладони и отвернулся, продолжая путь. Однако теперь он заметно сбавил шаг, позволяя новому знакомому идти вровень с ним.

— Ладно, и что ещё ты обо мне выведал? — любопытствовал Сатору, косясь на его багаж. — И всё-таки, что у тебя в сумке? Она же неподъёмная. Неужто дедовский проклятый инструмент тащишь?

Стоило ему чуть ослабить бдительность, как наружу тут же вылезло чисто кошачье любопытство.

Сугуру лишь загадочно улыбнулся, явно наслаждаясь тем, как ловко разжёт чужой интерес:

— Поднимемся к корпусам — сам увидишь.

<http://bllate.org/book/19043/1897236>